

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава 1

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Синий карандаш 15

Союзники-соперники 34

Окопная война 51

Вторая половинка ореха 56

Новая битва за Берлин 68

Горячая война внутри холодной 74

Глава 2

БОМБА

Неудавшаяся разрядка 87

В тени Бомбы 102

Оружие Судного дня 109

«Искренне ваш» 121

Глава 3

ВОЙНА МАЛОВЕРОЯТНА, МИР НЕВОЗМОЖЕН?

«Станный» мир 137

Супружеский союз на троих 146

Рейган: разрушить советский «Карфаген» 161

«Комета» Горбачева 173

По совету астролога 185

Глава 4

НАЛИТЬ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ

- Конец истории? 201
- Америка в поисках врага 213
- Убийцы без границ 222
- Под черным солнцем Исламского государства 232
 - Дипломатия свободных рук 243
 - Русский вопрос 259
 - В постзападном мире 268
- Украина – новый Чернобыль? 270
- Во главе консервативной революции 275

Глава 5

ДУЭЛЬ БЕЗУМНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ

- Гонка так гонка! 281
- Неравнобедренный треугольник 290

Глава 6

НАРИСУЙ МНЕ ВОЙНУ

- Миражи мира без войн 299
- Привкус пепла 308
- Необъявленная мировая война 318

Заключение 335

Хронология 340

Об авторе 348

Перевод с французского А.Г. Грачевой

ВВЕДЕНИЕ

Каждая горячая война заканчивается либо гибелью кого-то из участников, либо миром между ними. Холодная война не приносит ни мира, ни чести тем, кто ее ведет.

*Неизвестный испанский автор XIV века
о войнах между христианами и мусульманами*

Считается, что холодная война началась с речи о «железном занавесе», произнесенной Черчиллем в Фултоне 6 марта 1946 года. Однако для нас холодная война с западными союзниками началась, как только Красная армия начала освобождать Восточную Европу.

*Павел Судоплатов,
руководитель Отдела специальных операций НКВД
в эпоху Сталина*

Нередко, включая телевизор, просматривая заголовки газет или сообщения агентств, освещающих события в мире, невольно задаешь себе нелепый вопрос: «А в каком все-таки веке мы живем?» Борис Пастернак сформулировал его более выразительно: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Разумеется, легко успокоиться, проверив дату на календаре: мы действительно живем в XXI веке, и прошло больше 20 лет после того как мы перевернули страницу века XX с его двумя мировыми войнами, с его Освенцимом и Гулагом, Хиросимой и Чернобылем. Все это, к счастью, безвозвратно, ушло в прошлое.

То же можно было бы сказать и о холодной войне, длившейся более 50 лет — больше, чем две горячие войны, вместе взятые, — с ее «железным занавесом», Берлинской стеной, ее кризисами, ее шпионами, «пришедшими с холода», перебежчиками и диссидентами и особенно угрозой ядерного апокалипсиса. Перекочевав в учебники истории, эти сюжеты перестали интересовать даже сценаристов Голливуда.

Отчего же возникает странное ощущение того, что мы до конца не расстались с прошлым, что оно преследует нас, как навязчивый кошмар, будто нас захлестнула петля времени, которая заставляя нас вновь и вновь переживать прошлое, как переживал его персонаж Билла Мюррея в фильме «День сурка»?

В разгар холодной войны ассоциация ученых-атомщиков при Чикагском университете начала регулярно публиковать в своем «Бюллетене» изображение циферблата, стрелки которого показывают, сколько минут осталось до ядерного катаклизма. Это были так называемые Часы Судного дня, на которых полночь означает конец света. Во

время кризисов в отношениях между супердержавами стрелки часов передвигали, чтобы показать: до апокалипсиса осталось меньше пяти минут или даже меньше трех минут. В периоды разрядки стрелки отодвигали. После падения Берлинской стены время на циферблате благостно показывало 17 минут до полуночи. Однако на последнем циферблате, опубликованном в 2022 году, стрелки опять вернулись в угрожающую позицию: «менее трех минут».

Сталкиваясь с возвращением призраков прошлого, политики и эксперты часто прибегают к аналогиям. Некоторые проводят параллель с Берлинским кризисом 1948–1949 годов или размещением советских ракет на Кубе в 1962 году. Другие вспоминают 1914 год и эскалацию соперничества между великими державами, которая привела к Первой мировой войне.

Но все больше и тех, кто считает, что сегодня риск мирового конфликта гораздо выше, чем в прошлую эпоху, когда стабильность обеспечивалась ядерным равновесием биполярного мира. К тому же надо учитывать, что на международной сцене не только появилось множество новых актеров (как государственных, так и негосударственных), но возросло число разнообразных кризисов, опасно понижающих «уровень» возможного развязывания конфликтов планетарного масштаба.

Еще со времен Клаузевица мы знаем, что война — есть не что иное, как продолжение полити-

ки другими средствами. Однако не переживаем ли мы сейчас эпоху, когда политика превращается в служанку активных или тлеющих войн, которые могут стать чуть ли не естественным состоянием международных отношений, в то время как периоды мира сведутся к краткосрочным паузам между ними?

Мы не знаем, сколько еще времени осталось у человечества, чтобы избежать этой мрачной перспективы. Было бы полезно поэтому постараться извлечь основные уроки из недавнего прошлого и для этого проанализировать еще неостывший итог последней холодной войны.

Вот основные вопросы без ответа, которые она нам оставила:

Почему и когда началась холодная война?

Закончилась ли она на самом деле?

Не обречены ли мы повторить ее вновь?

Эти вопросы могут показаться банальными. Но, постаравшись на них ответить, мы хотя бы лишим алиби новые поколения политиков. Они уже не могут сказать: «Мы не знали» или «Нас не предупредили». Возможно также, что само напоминание об основных этапах и характеристиках этой «странной» войны может помочь им и нам вместе с ними не попасть в ловушку нового варианта, который примет холодная война-2 с риском превратиться в горячую и мировую.

Глава 1

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Россия — это загадка, завернутая в секрет и обернутая в тайну. Но у нее есть ключ. Этот ключ — национальный российский интерес.

Уинстон Черчилль

Должен вам заявить, что речь идет не только о разочаровании советского правительства, но и о доверии к нашим союзникам, которое подвергается серьезным испытаниям.

Иосиф Сталин.

*Письмо, направленное Черчиллю и Рузвельту
24 июня 1943 года после объявления
об очередной отсрочке открытия второго фронта*

СИНИЙ КАРАНДАШ

Она на самом деле была «странной», эта война, которую называли холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн — приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

По некоторым аспектам холодная война даже превосходит характеристики двух своих старших сестер: она длилась почти полвека — больше, чем две мировые, вместе взятые. И, в отличие от них, охватила практически все страны мира.

Другая странность этой войны — в том, что трудно с точностью определить ее начало и конец (если считать, что она закончилась). Эта трудность связана с особенностями этой войны, начавшейся между союзниками в то время, когда они еще вели совместную борьбу за выживание против общего врага.

Отсюда расхождение в датах ее возникновения. Если чаще всего в качестве рубежа ее начала называют промежуток между весной 1946 года (речь Черчилля в Фултоне) и летом 1947 года (отказ Сталина от советского участия в Плане Маршалла), есть немало оснований для того, чтобы отнести ее первые залпы в предыдущие годы. Например, в август 1945 года.

Она на самом деле была «странной», эта война, которую назвали холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн — приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

Так, по мнению многих историков, первое испытание американской атомной бомбы с кодовым названием «Малыш» в пустыне Невады, произведенное 16 июля 1945 года, объяснялось не только намерением Трумэна произвести впечатление на Сталина в день открытия Потсдамской конференции, но и сыграть роль первого выстрела в предстоящем конфликте между двумя

главными победителями только что закончившейся войны в Европе.

Хотя, если покопаться в истоках холодной войны, следует отступить в более раннее прошлое, например, вернуться к встрече Сталина и Черчилля в Кремле 10 октября 1944 года, когда британский премьер-министр удивил советского руководителя, передав ему листок бумаги с набросанными на нем несколькими строчками. В них он перечислил некоторые страны Восточной Европы и Балкан, показав зоны влияния СССР и Запада после окончания войны в виде двух столбиков цифр.

Согласно его предложению, Советский Союз получал 90% контроля над территорией Румынии и 75% Болгарии. В обмен на это под полный контроль Запада переходила Греция. Югославия и Венгрия делились пополам. Впоследствии, оправдываясь за некоторую прямолинейность предложенной «сделки», Черчилль объяснял ее желанием обеспечить гарантии принадлежности Греции к зоне британского влияния.

Дождавшись перевода комментария английского премьера к этому листку, «дядя Джо» (прозвище Сталина в английской прессе) после короткого раздумья, взяв в руку свой неременный синий карандаш (возможно, такой же, как тот, что он использовал на переговорах с Риббентропом летом 1939 года, когда уточнялась разграничительная линия между советской и германской

сферами влияния), поставил «галочку» в знак одобрения.

Когда Черчилль, одновременно удовлетворенный полученным результатом и несколько смущенный всей процедурой, предложил уничтожить листок, Сталин возразил: «Нет, сохраним его». Таким образом была определена значительная часть трассы будущего «железного занавеса», с обличением которого Черчилль выступил два года спустя в своей речи в Фултоне. Важная деталь: Черчилль не сообщил об этом соглашении своим американским союзникам, которые узнали о нем от советских партнеров.

Есть историки, готовые отнести начало холодной войны к еще более раннему прошлому. Так, Уолт Ростоу, советник по вопросам национальной безопасности при президентах Кеннеди и Джонсоне, относит начало холодной войны к зиме 1943 года, связывая ее с разгромом гитлеровских войск под Сталинградом.

Может показаться странным, что это решающее событие в истории Второй мировой войны, предопределившее будущее поражение нацизма и победу союзников, могло стать точкой отсчета разрыва их боевого союза. Однако, если глубже проанализировать историю формирования антигитлеровской коалиции и особенно противоречивый характер этого союза между главными западными демократиями и жестоким тоталитарным режимом, станут понятны причины ее хрупкости.

Ведь не надо забывать, что речь шла о союзе, продиктованном исключительными обстоятельствами: непримиримые соперники оказались вынуждены объединиться, несмотря на фундаментальные расхождения, чтобы противостоять смертельной опасности, которую для обоих представляло абсолютное Зло нацизма. Будучи яростным антикоммунистом, Черчилль заявлял, оправдывая свой союз со Сталиным, что если бы для победы над Гитлером ему понадобилось заключить союз с дьяволом, он нашел бы в нем «некоторые позитивные черты».

Несмотря на различия в ответах на вопрос о причинах холодной войны, очевидно одно: распад столь искусственной коалиции был неизбежен. Достаточно напомнить двусмысленный характер взаимоотношений между будущими членами коалиции накануне войны, чем Гитлер в полной мере воспользовался. Речь идет о взаимном глубоком недоверии, характерном в те годы для отношений Лондона и Парижа, с одной стороны, и Москвы — с другой. Каждый рассчитывал использовать нацистского монстра, подталкивая его в сторону соперника.

В этом состоял смысл их сепаратных попыток договориться с гитлеровским режимом, которые принимали форму сначала мюнхенских договоренностей 1938 года, заключенных с Гитлером Чемберленом и Даладье за счет Чехословакии, и год спустя — пакта Молотова — Риббентропа,

подписанного в Москве в августе 1939 года. Как напоминал Генри Киссинджер, Риббентропа, возвратившегося в Берлин с фактическим согласием Сталина на германскую атаку против Польши, Гитлер назвал «вторым Бисмарком».

За этими символическими вехами, отмечавшими путь к неизбежной войне, скрывались взаимные подозрения, отражавшие противоположные идеологические позиции. Для Сталина все страны Запада, — будь то с демократическими режимами, как Англия и Франция, или нацистским, как Германия, и фашистским, как Италия, — были «мазаны единым мирром» и являлись классовыми врагами советской системы. Их различали нюансы, но в любой момент они могли объединиться для атаки против СССР.

Поэтому стратегия Сталина сводилась к простой формуле: лучше оставаться в засаде в ожидании возможного конфликта его западных соперников (а если удастся, то его ускорить), чем оказаться лицом к лицу с единым фронтом противников оплота мирового коммунизма. Неожиданно стремительное поражение Франции в 1940 году нанесло удар по его стратегическим расчетам. Сталин надеялся, что немцы увязнут в войне против Франции и что две страны взаимно истощат друг друга.

Для западных демократий, напротив, Сталин и Гитлер, главы двух диктаторских режимов, представляли собой почти одинаковую угрозу.

Отсюда интерес столкнуть их лбами в военном конфликте.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Естественно, что этот союз, спровоцированный самим Гитлером, не пережил исчезновения главного фактора, который его сплачивал, — страха перед тем, что нацизм уничтожит двух главных противников, которым он бросил вызов: как западную демократию, так и коммунизм.

Тем не менее с самого начала вопреки объединявшей их солидарности отношения между членами Большой Коалиции, созданной в 1942 году,

были далеко не гармоничными. Сталин не питал иллюзий относительно намерений его союзников: «Западные страны стремятся прежде всего переложить основной груз войны на Красную армию... Они хотели бы, чтобы мы истекали кровью, чтобы потом диктовать нам свои условия», — говорил он в своем окружении. Раздраженный постоянными отсрочками открытия второго фронта в Европе, он говорил осенью 1942 года: «Они надеются, что мы потерпим поражение в Сталинграде».

По замыслу Гитлера, взятие Сталинграда должно было послужить трамплином к началу получившей название «Удар грома» кампании 1943 года, целью которой было развернутое наступление в направлении Кавказа. Эпическая битва под Сталинградом, в результате которой к февралю 1943 года были окружены и уничтожены 6-я армия вермахта под командованием Паулюса и 4-я танковая армия, стала переломным моментом не только в ходе Второй мировой войны, но и последующей европейской истории.

Уже к 23 ноября в результате наступления трех фронтов в котле под Сталинградом оказались в общей сложности 22 дивизии с численностью в 300 000 человек. Попытки срочно отозванного Гитлером из-под Ленинграда корпуса фон Манштейна прорвать окружение не дали результата. К Рождеству 1943 года стало очевидно, что попытки высвободить армию Паулюса из окруже-

ния обречены. Несмотря на это и следуя приказу фюрера, Паулюс отверг сделанное ему 8 января предложение капитулировать.

Исчерпав все возможности спасти попавшую в окружение армию, Гитлер по случаю десятилетия своего прихода к власти 30 января произвел Паулюса в фельдмаршалы. Это не помогло. На следующий день группа «Юг» капитулировала. Группа «Центр» последовала за ними 2 февраля.

Только в декабре-январе в боях за Сталинград гитлеровцы потеряли больше тысячи самолетов, сто сорок семь тысяч убитыми и больше ста тысяч человек пленными, среди которых было 2500 офицеров и 24 генерала. В эти же дни советским войскам удалось пробить подступы к осажденному Ленинграду.

Разгром нацистов в сражении под Сталинградом вышел далеко за рамки стратегического и даже психологического рубежа в ходе войны, поскольку ознаменовал перелом в триумфальном продвижении вермахта к победе, казавшейся неизбежной.

Продемонстрировав способность Красной армии не только остановить агрессора, но и нанести ему сокрушительное поражение, эта победа предвещала ее способность самостоятельно одолеть врага и, преследуя его, повторить триумфальное шествие армии Александра I вплоть до Парижа в 1814 году. Опасаясь вторжения советских войск в Западную Европу, Черчилль сказал после Сталинграда: «Будет

подлинной катастрофой, если русское варварство затопит нашу культуру и поставит под вопрос независимость государств Старой Европы».

Сразу после Сталинграда интонация западных партнеров в общении со Сталиным начинает меняться. Уже в январе 1943 года по итогам своей встречи в Касабланке Рузвельт и Черчилль информировали советского руководителя о том, что они намерены добиваться безоговорочной капитуляции Германии и пообещали предпринять интенсивные бомбардировки немецких позиций в течение 1943 года.

Сталинград окончательно снял их колебания относительно открытия второго фронта. Однако даже после Сталинграда до победы еще было далеко, и Запад нуждался в советской поддержке. Вот почему обе встречи союзников в верхах с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в ноябре и декабре 1943 года, а затем в Ялте в феврале 1945 года прошли в атмосфере подчеркнутого боевого товарищества, почти братства.

Перед Тегераном разногласия между ними сохранялись лишь по поводу места высадки войск в Европе. Черчилль даже по дороге в Тегеран продолжал убеждать Рузвельта начать вторжение на Балканах или на юге Италии. Дочь Рузвельта Эллиот, сопровождавшая его в поездке, написала в своих мемуарах: «Всякий раз, когда премьер-министр заводил речь об открытии второго фронта на Балканах, нам было понятно его желание вклиниться

в Центральную Европу, чтобы отсечь Красную армию от Австрии, а также Румынии и Венгрии».

Однако Рузвельт, не желавший соглашаться на любую акцию, которая могла отвлечь силы от запланированной операции «Оверлорд», поддержал Сталина. В результате Тегеран закончился подписанием совместного документа, содержавшего обязательство союзников СССР открыть второй фронт в соответствии с пожеланием Сталина высадкой союзников на атлантическом побережье Нормандии.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

В качестве другого подарка «дяде Джо» Черчилль с Рузвельтом объявили о своем согласии

признать линию Керзона (предложенную союзниками в 1919 году в конце Первой мировой войны) в качестве восточной границы Польши. Настаивая на ней вопреки возражениям находившегося в Лондоне польского правительства в эмиграции, Сталин говорил, что Советский Союз не может пойти на меньшие уступки в этом вопросе, чем те, что лорд Керзон, министр иностранных дел Британии, был готов предоставить большевикам в 1919 году. В качестве компенсации Польша должна была получить «западные территории» до Одера и Нейсе.

В предчувствии близкой победы Черчилль с несвойственным ему энтузиазмом даже выразил Сталину пожелание: «Я хотел бы, чтобы мы могли встречаться раз в неделю». Рузвельт со своей стороны пообещал советскому вождю: «После нашей общей победы над державами «оси»¹ мы сможем предоставить вашей стране кредит в несколько миллиардов долларов».

Атмосфера дружеских отношений и политической разрядки подтвердилась и во время конференции «тройки» в Ялте на берегу Черного моря, за три месяца до капитуляции Германии.

Отправляясь в Ялту две недели спустя после своего избрания на четвертый президентский

¹ Страны «оси» (ось Берлин – Рим, позднее: Берлин – Рим – Токио) – страны гитлеровской коалиции. – *Примеч. ред.*

срок, Франклин Рузвельт уже был тяжело болен. После остановки на Мальте он вместе с Черчиллем вылетел в Крым, и 3 февраля после утомительной пятичасовой поездки на машине наконец добрался до Ялты.

Военно-дипломатический эскорт Рузвельта и Черчилля составлял 700 человек. По свидетельствам военных, сопровождавших Рузвельта, их главным опасением было то, что стремительное продвижение советских войск на восточном фронте позволит им завершить войну до того, как закончится конференция.

Для американского президента встреча в Ялте была важна по двум причинам. Она позволяла американцам, получив от Сталина обещание того, что Красная армия после разгрома Германии выступит против японцев, ускорить окончание военных действий на Тихом океане. Кроме этого американский президент рассчитывал вместе со своими партнерами по антигитлеровской коалиции наметить контуры нового мирового порядка, основанного на демократии и международном праве.

В качестве старейшины, к которому с подчеркнутым почтением относились оба его партнера, Рузвельт председательствовал на сессиях конференции и брал на себя выработку компромиссных решений. Быстро получив от Сталина обещание вступить в войну против Японии через три месяца после капитуляции Германии (вопреки договору о ненападении, подписанному двумя странами в

апреле 1941 года) и его поддержку американского проекта создания ООН, Рузвельт считал, что основные цели конференции достигнуты.

Сталин поддержал формулу Рузвельта, которая предполагала, что ООН должна функционировать на основе принципа единогласия пяти главных держав-победительниц (включая Францию и Китай). В обмен он получил согласие Рузвельта и Черчилля на приглашение в Сан-Франциско в качестве государств-основателей ООН Украины и Белоруссии, что позволило СССР, как главной жертве гитлеровской агрессии, получить в ООН три голоса.

Более конкретные вопросы, касавшиеся, главным образом, Европы, такие, как раздел Германии (и Австрии) на оккупационные зоны или создание нового руководства в Польше, объединявшего представителей двух правительств, находившихся в изгнании в Люблине и в Лондоне, — воспринимались Рузвельтом как второстепенные. Они не должны были нарушать доверие, установившееся в результате приближавшейся общей исторической победы.

Воодушевленный результатами, полученными в Ялте, Рузвельт заверил Сталина, что американцы выведут свои войска из Европы после окончания войны. По возвращении в Вашингтон, выступая в Конгрессе 2-го марта, он был полон оптимизма: «Конгресс и американский народ одобряют результаты этой конференции (в Ялте) в качестве основы

постоянной структуры мира». Он продолжал расхваливать своего «друга» Сталина, утверждая, что ему присущи черты «христианского джентльмена», которые, по его мнению, тот приобрел в своем детстве во время учебы в религиозной школе.

Надо было быть ослабленным годами войны и болезнью президентом Соединенных Штатов, с его идеалистическими и одновременно наивными убеждениями, чтобы обнаружить христианские черты в советском диктаторе. (Другой пример подобной, чисто американской наивности, продемонстрировал годы спустя Рональд Рейган, который после одной из американо-советских встреч в верхах утверждал в своем окружении, что Горбачев, признавшийся ему, что был крещен своей бабушкой, послал ему таким образом «сигнал бедствия» из враждебного ему Политбюро, где он был окружен «безбожными коммунистами»).

Тем не менее и Черчилль, которого никто не мог заподозрить в наивности и еще меньше в некоей слабости к большевизму, выражал энтузиазм в своей речи в Парламенте спустя пятнадцать дней после встречи в Ялте: «У меня впечатление, что маршал Сталин и советские руководители хотят жить в дружбе и достойном равенстве с западными демократиями. Я не знаю правительства, которое бы так крепко держало свои обещания, даже в ущерб своим интересам, как советское».

Однако по мере того, как взаимные обязательства, взятые в Ялте, начали претворяться в жизнь, эйфория, царившая на крымском саммите, начала испаряться. Очень скоро у западных партнеров Сталина начали возникать претензии к советскому руководству. Уже 13 марта Черчилль в письме к Рузвельту говорит о «полном фиаско того, что было достигнуто в Ялте».

Речь шла о разногласиях в вопросе о формировании будущего польского правительства. В своих «Мемуарах» Черчилль приводит ответ на его письмо Рузвельта, забывшего о своих восхвалениях Сталина: «Любое решение, которое привело бы к сохранению нынешнего режима в Варшаве (состоящего исключительно из членов просоветского правительства в Люблине), неприемлемо и побудит народ США считать Ялтинское соглашение неудачей».

Сталин действительно согласился подписать вместе с Рузвельтом и Черчиллем совместную «Декларацию об освобожденной Европе», провозглашавшую принцип свободных выборов в странах Восточной Европы, — их результатом должно было стать создание независимых правительств. Но это не превратило Кобу¹, начинавшего свою революционную деятельность с участия в вооруженной экспроприации тифлисских банков, в христианского джентльмена.

¹ Псевдоним Иосифа Джугашвили в годы его подпольной революционной деятельности на Кавказе. — *Примеч. ред.*

Этому верному ученику Ленина ничто не мешало быть одновременно последователем Отто фон Бисмарка, и в основу своей внешней политики он мог вполне заложить формулу «железного канцлера», который утверждал, что крупные государственные вопросы всегда решаются силой, потому что сила идет впереди права. В конце войны, принимая в Кремле посланца маршала Тито Милована Джиласа, Сталин заметил: «Эта война особая: страна, которая оккупирует территорию, устанавливает на ней свою систему». Таким образом, Европа, освобожденная союзниками, представляла собой, с его точки зрения, лишь военный трофей, который должны были поделить между собой победители.

И потому для него представлялось логичным установление в Польше после ее освобождения Красной армией коммунистического режима, чтобы избежать появления на западной границе СССР правительства, враждебного Москве.

В соответствии с этой логикой во время переговоров в Ялте по польскому вопросу Сталин настаивал на признании его партнерами правительства, сформированного советскими властями в Люблине, сравнивая его лидера Берута с генералом де Голлем, которого англичане приютили в Лондоне.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немец-

ким командованием за его спиной. В середине марта советское руководство узнало о секретных переговорах в Берне между представителями разведки США и посланным в Швейцарию Гиммлером генералом Карлом Вольфом о сепаратном соглашении, предусматривавшем возможность капитуляции немецких войск на севере Италии.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немецким командованием за его спиной.

В письме Рузвельту Сталин написал, что перспектива сепаратных соглашений с западными союзниками за спиной советской армии, «которая несет главную тяжесть в войне с Германией» уже позволили немецкому командованию перебросить на восточный фронт с севера Италии три дивизии.

Рузвельт в ответном письме дал понять, что такие закулисные переговоры, если и были, то происходили и за его спиной и как джентльмен джентльмена заверил Сталина, что никакого закулисного соглашения без уведомления Москвы он не допустит. В своем ответе он написал, что «было бы одной из тяжелейших трагедий в истории, если в час, когда приближается наша общая победа, между нами проявится недостаточное

доверие и возникнут взаимные подозрения, которые подорвали бы ценность нашего сотрудничества после тех колоссальных человеческих, а также материальных и финансовых затрат, которых они нам стоили».

Последнее послание Сталину от Рузвельта пришло за день до его смерти, 12 апреля. В своем письме в тот же день Черчилль просил Рузвельта приказать генералу Эйзенхауэру отказаться от его решения направить американские войска к Баварии вместо того, чтобы двигаться на Берлин в надежде опередить Красную армию. В своем ответе, написанном им в день смерти, Рузвельт отказывался следовать совету британского премьера и выражал пожелание, чтобы англичане не драматизировали излишне советскую проблему.

Черчилля он не переубедил. Обращаясь в конце апреля уже к преемнику Рузвельта Гарри Трумэну, он убеждал того срочно двинуть в сторону Праги американские войска, находившиеся в Пльзене, чтобы не дать Красной армии освободить столицу Чехословакии. Спустя несколько дней он вновь предложил Трумэну пересмотреть решение об отводе американских войск, которые продвинулись дальше линии демаркации, согласованной союзниками.

Одновременно, не слишком полагаясь на своих американских союзников, Черчилль, как позднее сам признавался, приказал собирать оружие немецких войск, сдавшихся сотен тысяч, маршалу

Монтгомери и «складировать его для возможной последующей раздачи немецким солдатам и использования против советских войск в случае их дальнейшего продвижения».

В начале мая 1945-го он тайно предложил своему генштабу разработать план атаки против СССР, начиная с 1 июля (фактически британский вариант гитлеровского плана Барбаросса), с участием 47 британских и американских дивизий, подкрепленных 10 немецкими дивизиями. И уже после окончания войны в канун Потсдамской конференции, как он подтверждает в своих мемуарах, британский премьер выступал против того, чтобы отвод американских и английских войск к согласованным линиям разграничения позволил России «утвердиться в сердце Европы, что стало бы фатальной угрозой для человечества».

СОЮЗНИКИ-СОПЕРНИКИ

Из этого видно, что едва страшная угроза, нависавшая над судьбой их стран, исчезла, прежние предубеждения и более глубокие противоречия, разделявшие союзников, вышли на первый план. В своей книге «Цепная реакция холодной войны»¹ французский историк Лилли Марку при-

¹ Marcou Lilly. *La guerre froide: L'engrenage:1947. – Bruxelles, 1987.*

водит слова Сталина, отдававшего себе отчет в принципиальном изменении ситуации: «Антифашистская коалиция была порождена наличием общего врага — Адольфа Гитлера, объявившего войну, чтобы установить свое господство в Европе. После того как этот объединительный фактор исчезнет, понадобится пересмотреть отношения между членами коалиции на новой основе. Это будет непросто».

В возвращении довоенных антагонизмов не было ничего удивительного. Если что-то было новым, так это то, что два несовместимых взгляда на мир принадлежали двум главным победителям в войне: США и Советскому Союзу.

Историческая победа, которой они были обязаны друг другу, полностью изменила их положение на мировой арене, возведя их в статус двух главных властителей мира. Эта ситуация ставила их руководителей перед выбором: либо найти способ договориться и объединить свои усилия в духе сотрудничества, установившегося во время войны, либо идти на риск столкновения, рассчитывая одолеть противника.

При этом надо напомнить, что итог, с которым обе страны вышли из войны, сильно различался. В сравнении с колоссальными потерями Советского Союза (более 27 миллионов погибших) число американцев, павших в боях (330 тысяч), было относительно невелико. На одного павшего американского солдата советским лю-

дям приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР рухнул на 40%, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое. Война оставила разрушенными огромные территории Советского Союза, в руины были превращены 1700 городов и 10 000 деревень, выведены из строя 70% его промышленности и 60% транспортного сообщения. Двадцать пять миллионов жителей остались без крова.

На одного павшего американского солдата советским людям приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР в результате войны рухнул на 40%, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое.

Прагматично полагая, что долг солидарности по отношению к его советскому союзнику заканчивается с концом войны, Гарри Трумэн без лишних церемоний и даже предупреждения подписал 8 мая (в день капитуляции рейха) декрет о прекращении кредитов ленд-лиза Советскому Союзу. Правда, несколько дней спустя он заявил, что передумал – возможно, после того как в Белом доме вспомнили об обещании Сталина Рузвельту вступить в войну против Японии на стороне США.

Будет легче понять стратегический расчет этого бывшего сенатора от штата Миссури, если вспомнить его высказывания в интервью газете

New York Times от 24 июля 1941 года спустя месяц после нападения гитлеровской армии на СССР: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, мы должны помочь России. В случае если побеждает Россия, мы обязаны поддержать Германию и таким образом позволить им истреблять друг друга, сколько возможно».

Об успешном испытании атомной бомбы в пустыне в Нью Мексико, состоявшемся 16 июля, он узнал в самолете, которым летел в Потсдам. На следующий день он поделился новостью с Черчиллем, который в разговоре со своим министром иностранных дел Иденом скажет: «Это означает, что американцы больше не нуждаются в участии России в войне против Японии и не хотят этого».

Однако пересматривать договоренности, достигнутые в Ялте, было уже поздно. В соответствии с ними еще в апреле СССР денонсировал пакт о ненападении с Японией и приступил к сосредоточению войск на своих дальневосточных границах.

В ночь с 1-го на 2 августа, когда закончилась Потсдамская конференция, договоренность о предстоящем вступлении СССР в войну с Японией была еще раз подтверждена Сталиным, тем более что накануне руководство Японии отвергло направленное ему требование о безоговорочной капитуляции. Кроме того, помимо впечатляющих сил японской армии, готовившихся защищать ее территорию на островах, войска, сосредоточен-

ные на севере Китая, в Манчжурии и Корее, составляли 1 млн 200 тыс. человек.

Использование американцами атомной бомбы против Хиросимы не только приблизило капитуляцию японского генштаба, но и ускорило вступление СССР в войну. Советские войска перешли в наступление на Дальнем Востоке в день взрыва бомбы над Нагасаки.

Япония заявила о капитуляции 10 августа, но японское военное министерство, отказываясь согласиться с требованиями американцев, которые не гарантировали сохранение в стране монархии, еще в течение нескольких дней выступало с призывами к продолжению «священной войны». Только 14 августа император выступил с заявлением о прекращении сопротивления.

Однако поскольку это заявление было адресовано только западным державам, советское правительство заявило, что оно продолжит свое наступление в Манчжурии, Корее и на Сахалине до тех пор, пока японцы не сложат оружие. Восемнадцатого августа советские войска высадились на Курильских островах. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября, ставшем датой окончания Второй мировой войны.

Разумеется, с точки зрения Вашингтона именно применение США атомной бомбы сыграло решающую роль в окончании войны на Тихом океане и изменило мировой стратегический баланс сил, позволив американцам считать, что ялтин-

ские и потсдамские соглашения в значительной мере утратили силу.

Как написал в своей книге Лорд Блэкетт, член Консультативного комитета по атомной энергии при правительстве Ее Величества, «использование США атомного оружия было не финальным военным аккордом Второй мировой войны, а первым актом начавшей разгораться дипломатической холодной войны».

Президент Трумэн исходил из того, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников. Сталин, со своей стороны, надеялся, что формула тройственного союза останется моделью совместного управления международной политикой после войны.

Оказавшись во главе страны, которая обзавелась самым разрушительным оружием, какое только знала история, президент Трумэн был убежден, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников.

Сталин, со своей стороны, находясь на вершине триумфа в качестве главного победителя фашистской гидры, надеялся, что формула тройственного союза, собравшегося в Ялте, чтобы перекроить карту мира, останется моделью

совместного управления международной политикой после войны.

Учитывая колоссальные жертвы, принесенные советским народом на алтарь победы, он не мог принять второстепенную роль в мире, главой которого собирался провозгласить себя американский президент. Конфликт между двумя недавними братьями по оружию казался неизбежным, хотя первоначально он ограничивался словесными выпадами.

Несмотря на то что истоки открытой конфронтации между союзниками принято относить к началу 1946 года, когда были произнесены две речи — Сталина в феврале в Большом театре и Черчилля месяц спустя в Фултоне, — ее первый залп прозвучал в выступлении президента США в октябре 1945 года.

В своей речи в Нью-Йорке 27 октября по случаю Дня флота Гарри Трумэн сформулировал двенадцать пунктов, на которых, по его замыслу, будет основана американская внешняя политика. Он заявил, что США никогда «не пойдут на компромисс со злом» и бросил прямой вызов Сталину на востоке Европы, предупредив, что американское руководство «откажется признать любое правительство, навязанное в этом регионе иностранной державой». Заодно президент США воспользовался случаем, чтобы объявить всему миру, что мощь американского флота «не имеет аналогов во всей предыдущей истории».

Его советский коллега, хотя и возведенный в ранг генералиссимуса, не мог похвастать столь впечатляющим военным потенциалом. Его главный козырь — Красная армия — вышла из войны обессиленной. В этой драматической ситуации, когда на горизонте замаячило противоборство с бывшими союзниками, главной заботой Сталина было сосредоточить усилия на восстановлении экономики и промышленности страны, необходимых условиях возрождения ее военного потенциала.

Как известно из истории, лучший способ мобилизовать общественное мнение любой страны и общество в целом для достижения таких целей — это использовать внешнюю угрозу, которая, заставив население поверить в смертельную опасность, поможет превращению страны в крепость, осажденную новыми врагами. Он, возможно, вдохновлялся рецептом, сформулированным его наставником Лениным, который в декабре 1921 года заявлял: «Первая заповедь нашей политики — это не забывать, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают по отношению к нам самую лютую ненависть».

Этот ленинский урок объяснил тональность, избранную Сталиным для его выступления 9 февраля 1946 года в Большом театре на встрече с избирателями. Разумеется, речь прославляла исторический подвиг советского народа, напоминая

о жертвах, принесенных ради победы. Эту победу Сталин объяснял прежде всего «советской социальной системой, доказавшей свое превосходство над любой другой системой организации общества».

Но после такого вступления содержащийся в речи идеологический анализ международного положения четко указывал на новую угрозу: «Именно капитализм несет с собой кризисы и войны», — провозглашал Сталин, объявляя также, что отношения Советского Союза с западным миром входят в период конфронтации и антагонизма.

По его мнению, поскольку природа капитализма враждебна СССР, в обозримом будущем неизбежный конфликт двух систем неотвратимо повлечет за собой столкновение между капиталистическим и социалистическим мирами. Отсюда необходимость мобилизации всех сил в странах соцлагеря для восстановления экономики и прежде всего — тяжелой промышленности.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон, тот самый, который отказался пожать руку «кровавым большевикам» во время встречи с советскими военными.

Тем не менее трудно было заподозрить Сталина в намерении вступить в войну против Запада в это время. Страна была к ней не готова не только психологически, но и с чисто военной точки зрения: с 12 миллионов военных в 1946 году Красная армия в конце 1948 года сократилась до 3 миллионов.

Согласно докладу секретных американских служб, составленному в начале 1946 года, «русский флот не способен к наступательным действиям... стратегические силы практически не существуют ни в материальном выражении, ни в виде концепции. Советский Союз истощен экономически. Население недоедает, промышленность и транспорт в состоянии прогрессирующего упадка, огромные территории страны опустошены. Тридцать процентов населения покинуло место проживания.

Поддержание Советами значительных контингентов оккупационных войск в Европе продиктовано заботой найти способ прокормить хотя бы часть миллионов людей, не имеющих ни средств, ни крова будущей зимой». Доклад заканчивался

безапелляционным выводом: «В течение следующих пяти лет СССР не сможет начать враждебные действия против англо-американцев». (Надо учесть, что этот прогноз не учитывал перспективу получения Советским Союзом атомного оружия в 1949 году).

Конечно, романтические идеологические амбиции и надежды большевиков увидеть однажды весь мир наследником русской революции были похоронены вместе с роспуском Коминтерна в 1943 году. В разгар войны в разговоре с дипломатическим посланником Рузвельта Гарри Хопкинсом Сталин заверил его, что советский режим «не экспортируется».

Приоритет Сталина состоял поэтому в восстановлении разрушенной экономики и обеспечении охраны своих границ, чтобы защитить страну от нового вторжения с Запада. Отсюда интерес получить от побежденной Германии максимум экономических репараций и превратить оккупированные страны Восточной Европы в защитный кордон. Именно в таком контексте внезапное прекращение в мае 1945 года программы ленд-лиза и отказ Советскому Союзу в новых кредитах (обещания расчувствовавшегося в Ялте Рузвельта, позабытые Трумэном), были восприняты в Кремле как первый акт экономической войны, объявленной Вашингтоном.

Тем не менее февральская речь Сталина в Большом театре, предназначенная в первую оче-

редь для мобилизации внутреннего общественного мнения, в значительной степени повлияла на два документа, определивших стратегический подход Запада к Советскому Союзу на ближайшие годы.

Меньше месяца спустя после выступления Сталина Уинстон Черчилль произнес в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури) в присутствии Гарри Трумэна свою речь «Извилистые дороги мира». В этом выступлении, ставшем знаменитым из-за объявления «железного занавеса», опустившегося, по словам бывшего премьера, на европейский континент «от Щецина на Балтийском побережье до Триеста на Адриатике», он упомянул «наших русских друзей», которые «ничто так не уважают, как силу, и ничто так не презирают, как слабость, особенно военную». Уточнив, что не верит в то, что «советская Россия стремится к войне», Черчилль сказал: «Она надеется воспользоваться плодами войны и добивается безграничного распространения своего влияния и своих доктрин». Эти опасности не могут быть устранены «политикой умиротворения». Главную роль в противостоянии советской экспансии, как заявил Черчилль, следовало взять на себя англоговорящему миру, объединяющему силы Соединенных Штатов, Англии и Канады.

Неудивительно, что речь «старого льва», давно известного своим антикоммунизмом, вызвала гнев «дяди Джо». Газета «Правда» в своей редак-

ционной статье обвинила Черчилля в англо-саксонском расизме. Что касается Сталина, то он в интервью советской прессе квалифицировал это выступление как «призыв к войне» и сравнил «расовую английскую теорию» с гитлеровской. «Нации проливали кровь в течение пяти лет ужасной войны ради свободы и независимости их стран, а не для того, чтобы заменить верховенство Гитлера на Черчилля».

Неудивительно, что речь «старого льва», давно известного своим антикоммунизмом, вызвала гнев «дяди Джо», он в интервью советской прессе квалифицировал это выступление как «призыв к войне» и сравнил «расовую английскую теорию» с гитлеровской.

Реагируя на призыв Черчилля к «братскому объединению англоговорящих народов», Сталин даже начал думать о славянском варианте ответа, следы которого можно найти в его беседе с Милованом Джиласом. Он, в частности, сказал посланцу Тито: «Если славянские народы сохранят свое единство и будут солидарны, никто в мире и пальцем не пошевелит».

Если речь в Фултоне, безусловно, останется в истории холодной войны важной символической вехой, она при этом не заслоняет другой важный текст, поводом для которого тоже стала речь

Сталина в Большом театре. Имеется в виду так называемая «длинная телеграмма», посланная по горячим следам в Вашингтон в феврале 1946 года советником-посланником в американском посольстве в Москве Джорджем Кеннаном.

В своем многостраничном тексте Кеннан сформулировал свое представление об идеологическом видении внешнего мира советскими лидерами, объясняя, почему руководители СССР нуждаются в алиби — внешней угрозе — для оправдания своего режима. Главная рекомендация телеграммы сводилась к необходимости «сдерживать» Советский Союз, используя «одновременно политические и военные средства» в ожидании внутренней эволюции политической системы в СССР, которую Кеннан считал неизбежной. Этот текст служил нескольким американским президентам настольным пособием в течение десятилетий холодной войны против СССР.

Годы спустя, уже в роли патриарха американской советологии, Кеннан выразит сожаление о том, что его рекомендации были истолкованы слишком упрощенно и легли в основу слишком милитаризированной политики США, дав результаты, обратные тем, на которые он рассчитывал: искусственное продление жизни коммунистического режима путем усиления конфронтации вместо того, чтобы «терпеливо, твердо и бдительно» способствовать его деградации и неизбежному саморазрушению.

На самом деле официальная американская доктрина «сдерживания» СССР с самого начала делала акцент на военное давление. В сентябре 1946 года политический советник Белого дома и будущий министр обороны США Кларк Клиффорд писал в докладе президенту Трумэну: «Главным фактором предотвращения советской атаки против Соединенных Штатов («чистая фантазия», по мнению Генри Киссинджера) или против регионов мира, имеющих жизненно важное значение для нашей безопасности, будет военная сила».

Разумеется, советская дипломатия, обслуживая тезисы, сформулированные Сталиным в его речи в Большом театре, тоже не стеснялась в выражениях для описания американской внешней политики. Осенью 1946 года советский посол в Вашингтоне Николай Новиков отправил в Москву свой вариант «длинной телеграммы»: «Для внешней политики Соединенных Штатов, отражающей империалистические тенденции монополистического американского капитала, характерно стремление к мировому господству. Гарри Трумэн и другие американские руководители неоднократно заявляли, что Соединенные Штаты претендуют на право руководить всем миром».

Можно, таким образом, датировать 1946 годом первые публичные проявления глубокого недоверия между бывшими союзниками. Оно было осно-

вано на непримиримом конфликте между двумя логиками и двумя противоположными проектами мировой экспансии, который имел все шансы продлиться в течение десятилетий.

Соединенные Штаты с возрастающим аппетитом претендовали на статус экономического императора, рассчитывающего править миром, в котором другие империи распались бы или были значительно ослаблены войной. Это касалось Японии в Тихом океане, а также Великобритании и Франции в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в Индокитае.

Что касается Советского Союза, опираясь на свой авторитет главного военного победителя нацизма, он делал упор на идеологической экспансии, которая позволила бы ему расширить свою сферу стратегического влияния в мире и таким образом сохранить статус главного соперника США.

Каждый из них рассчитывал, что история будет на его стороне. Сталин, как правоверный марксист, исходил из неизбежности кризиса западного капитализма, тогда как американцы ожидали, что коммунистическая Россия, обескровленная в ужасной войне, окажется более сговорчивой и готовой в обмен на экономическую помощь Запада отказаться от своих революционных амбиций.

Парадоксально, но именно столкновение этих двух догматов, одинаково далеких от реальности,

оказалось основой их объективного сговора в нагнетании обоюдного очернения. Каждый представлял другого в виде главной почти экзистенциальной опасности. Каждый настаивал на необходимости сделать выбор между лагерями Добра и Зла. Согласно этой логике, «Империя Добра» нуждалась в своем антиподе — «Империи Зла», играющей роль пугала, необходимого для поддержания единства собственного общества и контроля за той частью мира, которой каждый из них управлял.

Каждый настаивал на необходимости сделать выбор между лагерями Добра и Зла. Согласно этой логике, «Империя добра» нуждалась в своем антиподе — «Империи зла», играющей роль пугала, необходимого для поддержания единства собственного общества.

Публичные обвинения шли по нарастающей, причем для убедительности каждый из участников представлял своего противника пособником нацистской гидры — символа абсолютного Зла, с которым они еще недавно вместе боролись.

Вслед за Сталиным, не поколебавшимся представить Черчилля после его речи в Фултоне новым Гитлером, год спустя Гарри Трумэн в своем выступлении 12 марта 1947 года обвинил Сталина (без упоминания его имени) в стремлении навязать, подобно нацистам, свободным народам «путем

прямой или косвенной агрессии» установление тоталитарных режимов. Он, в частности, упомянул Польшу, Румынию и Болгарию в качестве примеров нарушения Ялтинских соглашений.

ОКОПНАЯ ВОЙНА

Начиная с 1947 года конфронтация между бывшими союзниками поднимается на новый уровень. За окопной войной в пропагандистских траншеях последовала разработка стратегических доктрин и начало их претворения в жизнь. Именно в этом году американцы объявили о своей решимости противостоять любыми методами — прежде всего военными — распространению коммунистической экспансии, где бы она ни пыталась утвердиться.

Первым полем этого столкновения стало Средиземноморье. Говоря об этой чувствительной зоне мира, американский президент высказал свою позицию в выступлении перед Конгрессом 12 марта: «[Соединенные Штаты твердо решили] поддержать свободные народы, сопротивляющиеся попыткам подчинения вооруженным меньшинством или внешнему давлению». На практике «доктрина Трумэна» предусматривала предоставление американским правительством военной помощи двум странам, которые рассматривались как стратегические бастионы Запада в

этом регионе, — Греции и Турции. Одновременно в Средиземное море вошел, чтобы в нем остаться на постоянной основе в последующие десятилетия холодной войны, 6-й флот США.

Такой выбор американский посол в Париже Джефферсон Кэффери объяснял своему советскому коллеге Александру Богомолу во время дипломатического приема: «Греция и Турция — это ближневосточная нефть. Мы (американцы) готовы смириться с тем, что вы заглотили прибалтийские республики, но вы хотите вытеснить нас с Балкан и слишком приближаетесь к Ближнему Востоку».

В действительности это признание Кэффери — всего лишь напоминание о «пакте Куинси» — соглашении, заключенном по пути в Ялту 14 февраля 1945 года Рузвельтом с королем Саудовской Аравии Ибн Саудом. Этот пакт предоставлял американским нефтяным компаниям монопольное положение в стране, при этом другое соглашение позволяло США разместить свою военную базу в Дахране.

Для Трумэна повод сформулировать «ответ Америки на волну экспансий коммунистической тирании» представился весной 1947 года, когда американцы стали опасаться победы коммунистов в гражданской войне в Греции. Трумэн подозревал Сталина в том, что тот оказывает грекам поддержку. В своих «Мемуарах» он напишет: «В конце февраля настал момент четко обозна-

чить место и руководящую роль США во главе свободного мира».

На самом деле Сталин продолжал соблюдать разграничительную линию между Советским Союзом и Западом, проведенную карандашом во время встречи с Черчиллем в 1944 году, согласно которой Греция отходила под контроль Запада. Как писал в своих мемуарах Джилас, Сталин сказал во время своей встречи с представителями Югославии и Болгарии, предложившими ему поддержать греческих коммунистов путем военного вмешательства: «Как вы это себе представляете? Что Великобритания и Соединенные Штаты, самые могущественные морские державы в мире, вам позволят нарушить линии соприкосновения в Средиземном море? Какая глупость! У нас к тому же нет флота. Выступления греческих товарищей следует прекратить как можно скорее». За этим распоряжением Кремля последовали кровавые расправы монархистов с греческими коммунистами, стоившие многим из них жизни и отправившие в изгнание тысячи участников греческого сопротивления нацистам.

«Доктрина Трумэна», естественно, облекала новые стратегические цели американской политики в идеологическую риторику. «Каждая нация, — заявлял американский президент, — находится отныне перед выбором между двумя образами жизни. Первый основан на воле большинства, демократических институтах, предста-